

© 2018

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН
(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

Надежда Фролова

научный сотрудник Института проблем развития науки РАН
(e-mail: nrasskazikhina@yandex.ru)

ОБ УЧАСТИИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В ФИНАНСИРОВАНИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ (экономические и идеологические аспекты)

Научно-технологическое развитие в условиях глобализации предполагает органическое включение экономики страны в новейшие мировые инновационные процессы, интеграцию в мировую экономику, интенсивное использование широкого круга нововведений во всех сферах общественной жизни, которые невозможны без соответствующих инвестиций как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Пока инвестиции со стороны отечественного предпринимательского сектора крайне незначительны, а меры государственного стимулирования его участия в инвестиционном процессе все еще недостаточны. В статье предпринята попытка найти экономические и идеологические подходы к решению этой проблемы.

Ключевые слова: экономика, идеология, государство, бизнес, научно-технологическое развитие, исследования и разработки, фундаментальная наука, налоговая политика, общество и личность.

DOI: 10.31857/S020736760002501-0

Государству не может не принадлежать центральное место в решении задач научно-технологического развития. При этом его роль не ограничивается лишь отдельными инструментами макрорегулирования, налоговой политики, бюджетного финансирования или софинансирования инновационных проектов. Нужны современные институты и механизмы перелива капитала в высокотехнологичные сектора экономики, в том числе в малый и средний бизнес. Пока данные институты и механизмы у нас в стране используются в ограниченных масштабах и далеко не эффективно. В значительной мере это обусловлено недостаточностью ресурсов, прежде всего финансовых. По оценке А. Аганбегяна, экономический рост в нашей стране в долгосрочном периоде примерно на 80% зависит от увеличения инвестиций в основной и человеческий капитал и только на 20% — от лучшего использования действующих основных фондов и других производственных ресурсов. Чтобы обеспечить ускоренное развитие на основе научно-технологических достижений требуется переход к форсированным инвестициям с их ежегодным увеличением примерно на 8-10% с тем, чтобы к 2020 г. норма инвестиций

достигла 23-25% ВВП, к 2025 г. — 27-30% и к 2030 г. — 35% [1. С. 388–389]. Напомним, что 35% — средняя норма для развивающихся стран, а 40% — норма инвестиций в СССР.

Однако не менее важно преодолеть неразвитость институтов и механизмов финансового обеспечения экономического роста и более того — недостаточную проработанность концептуальных основ организации стимулирования научно-технического прогресса. Открытым остается даже вопрос: кто преимущественно должен инвестировать в научно-технологическое развитие — государство, бизнес или отдельные состоятельные лица (бизнес-ангелы)?

Опыт развитых стран показывает, что государство и при сравнительно небольшой своей доле в финансировании науки может успешно осуществлять общую координацию научно-исследовательских работ и реализацию широкомасштабных программ развития исследований и разработок путем поощрения частных компаний. В России, к сожалению, государству приходится одновременно финансировать фундаментальные исследования и обеспечивать выполнение прикладных исследований и разработок по приоритетным направлениям за счет бюджетных средств, а не за счет внебюджетных источников. В результате происходит распыление государственных средств, и российская фундаментальная наука в результате получает недостаточное финансирование. А ведь именно «поддержка фундаментальной науки как системообразующего института долгосрочного развития нации является первоочередной задачей государства» [2. П. 21].

В настоящее время отечественные предприниматели вкладывают в исследования и разработки значительно меньше средств, чем их конкуренты в развитых и многих развивающихся странах. В этом отношении российский бизнес все еще занимает выжидательную позицию, и задача государства — сделать так, чтобы предприниматели видели заинтересованность государства в частных инвестициях в науку и ощущали государственную стимулирующую поддержку. Это относится не только к прямым и портфельным инвестициям, но и к таким инструментам как банковское кредитование, венчурное инвестирование и т.п. В рамках активной научно-технологической политики требуется масштабный маневр всеми имеющимися ресурсами — как материальными, так и финансовыми, и большое значение в рамках этого маневра имеет масштабное использование потенциала российского бизнеса. Данная проблема имеет как экономический, так и идеологический аспект. Идеология, как известно, выполняет функцию определения тактики и стратегии социально-экономического развития страны, общества. И очень плохо, если такой идеологии нет.

Экономические аспекты. Участие частного сектора в финансировании российской науки крайне незначительно по сравнению с развитыми странами, в большинстве из которых негосударственные источники финансирования исследований и разработок (прежде всего прикладного характера) являются основными. В России же действует централизован-

ная система финансирования всей науки (и фундаментальной, и прикладной), т.е. абсолютное доминирование государства в соответствующих инвестициях (рис.1).

Главными причинами нежелания частного сектора участвовать в финансировании научной, научно-технической и инновационной деятельности, по нашему мнению, являются:

- 1) отсутствие эффективной государственной экономической политики, направленной на стимулирование инновационной и научной деятельности (налоговая политика, денежно-кредитная политика, координация и контроль научных исследований, проводимых государственными организациями и т.д.);
- 2) нестабильность экономической ситуации внутри страны, не располагающая к долгосрочным инвестициям;
- 3) отсутствие эффективных инструментов стимулирования предпринимателей к осуществлению инвестиций на проведение исследований и разработок;
- 4) недостаточное количество инвестиционно-привлекательных науко-емких проектов;
- 5) высокий уровень риска инвестиций в научную деятельность, обусловленный сложностью прогнозирования результатов исследования и возможностей их практического применения;
- 6) отсутствие в обществе идеологии, направленной на поддержку науки бизнес-сообществом;
- 7) отсутствие эффективной инфраструктуры, под которой в данном контексте следует понимать систему обмена информацией и дальнейшего взаимодействия между научными организациями и бизнес-сообществом.

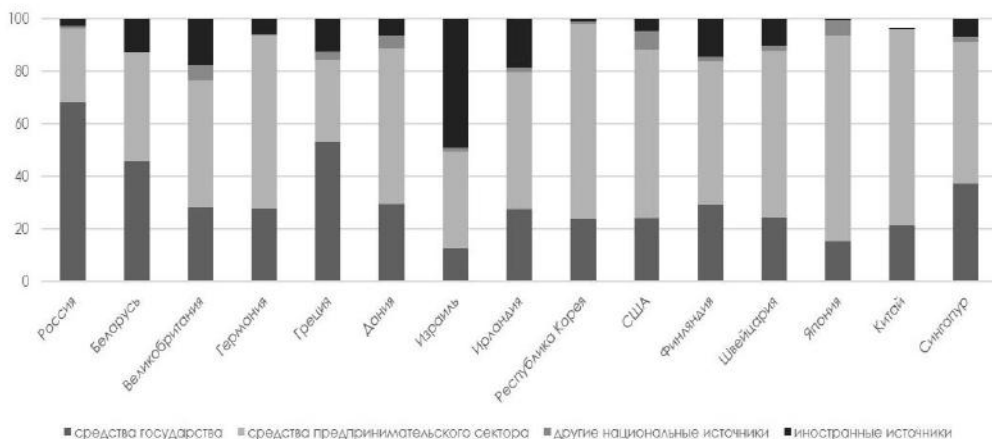

Рис. 1. Структура внутренних затрат на исследования и разработки в России и в некоторых зарубежных странах (гражданская наука), 2016 год.

Источники: составлено по материалам [3; 4].

Многие из указанных выше причин взаимозависимы, фактически они формируют инвестиционный климат России и, соответственно, необходим комплексный подход к устранению их как барьеров, затрудняющих научно-технологическое развитие страны.

Эффективная научно обоснованная государственная экономическая политика — тот фундамент, без которого невозможно полноценное развитие государства. Фактически именно экономическая политика государства определяет все остальные факторы, «стимулирующие» нежелание бизнеса финансировать науку и инновации. Российской экономической политике присущ низкоэффективный режим «ручного управления» с гипертрофированными полномочиями контролирующих частный сектор госорганов и отсутствием соответствующего контроля расходования бюджетных средств, что способствует развитию коррупции. Имеют место также неэффективная система налогообложения в сочетании с массовым уклонением от уплаты налогов, беспрепятственный доступ иностранного капитала к российским активам, в сочетании с санкциями приводящий к тому, что при отсутствии долгосрочного иностранного капитала на российском рынке наблюдается его широкое краткосрочное предложение, а это, в свою очередь, стимулирует спекуляционную активность, дестабилизирует курс рубля и снижает общую инвестиционную привлекательность российской экономики. С. Глазьев характеризует российскую экономическую политику как «crony capitalism» — «блатной капитализм», отличительными чертами которого являются: «господство компрадорской олигархии, эксплуатирующей национальные богатства и вывозящей сверхприбыли зарубеж; тесно связанное с ней коррумпированное высшее чиновничество, скрывающее там же свои незаконные доходы; доминирование офшорного бизнеса в наиболее прибыльных отраслях экономики; массовая бедность лишенного социальных лифтов и возможной самоорганизации большинства населения; высокое имущественное неравенство» [5. С. 16]. Такое положение приводит к тому, что на протяжении многих лет мы наблюдаем последовательное и систематическое бегство национального капитала из страны, который оседает в виде зарубежных активов (офшорные счета, недвижимость, предметы роскоши и т.п.).

В результате оттока капитала падает деловая и инвестиционная активность, вместо развития производства мы наблюдаем его стагнацию, обусловленную искусственно вызванным недостатком и высокой ценой ресурсов, что обусловлено в свою очередь нерегулируемым вывозом капитала из страны и денежно-кредитной политикой Банка России. Отсутствие долгосрочного внутреннего финансирования вынуждает российский частный сектор (как финансовый, так и реальный) обращаться к поиску внешних источников кредитования при фактическом наличии ресурсов в национальной экономике: объем поступающего внешнего финансирования растет пропорционально вывозу капитала в офшоры [5. С. 212]. При этом заметим, что «экспортером» и «импортером» (кредитором) фактически может выступать одно и то же юридическое или физическое лицо.

Неблагоприятная для инвестиций ситуация усугубляется несовершенством налоговой системы. Вопрос поиска оптимального уровня налогового бремени, который будет отвечать и интересам государства (с точки зрения наполнения казны), и интересам бизнеса (с точки зрения соразмерности налогового бремени с доходами от предпринимательской деятельности) для любой страны всегда остается актуальным. Использование налоговой политики для формирования привлекательного инвестиционного климата и стимулирования финансирования науки и научной деятельности активно осуществляется в мировой практике.

Сравнительный анализ налоговых льгот, применяемых в России и развитых странах, демонстрирует низкую эффективность данного механизма в отечественной экономике. По нашему мнению, необходимо реформировать набор инструментов косвенного стимулирования, пересмотрев некоторые текущие льготы и добавив новые, а именно:

- отказаться от преобладания целевых льгот (например, применение повышающего коэффициента в отношении осуществленных расходов на исследования, только если эти исследования включены в утвержденный Правительством РФ перечень) — такая целевая поддержка дестимулирует развитие исследований в нецелевых областях и не учитывает всегда имеющуюся возможность смены приоритетов научно-технологического развития с учетом прорывных открытий;
- освободить субъекты инновационного предпринимательства от уплаты налога на добавленную стоимость реализуемых товаров (работ, услуг), производство которых основано на использовании изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), реализуемых субъектами малого и среднего предпринимательства, в пределах срока действия исключительных прав на указанные результаты интеллектуальной деятельности, но не более 5 лет;
- изменить систему учета произведенных на исследования и разработки расходов: перейти от уменьшения налоговой базы на сумму расходов к вычету суммы расходов из суммы исчисленного налога, т.е. применить принятую в мировой практике модель налогового кредита (в России понятие «налогового кредита» или «инвестиционного налогового кредита» существенно отличается от мировой практики — оно означает отсрочку уплаты налога вместе с последующей уплатой процентов, начисленных на сумму налогового кредита, — эффективность такой льготы вызывает серьезные сомнения).

Большие сомнения вызывает и рациональность принятого решения о повышении ставки НДС до 20%. Данная мера ведет к сокращению потребления, а значит впоследствии приведет и к спаду деловой активности, что абсолютно противоречит, например, задачам, поставленным в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Особенно это неуместно выглядит на фоне прогнозируемого профицита бюджета, с учетом которого уже внесены соответствующие поправки в нормативные акты [6]. Дополнительные финансовые поступления госу-

дарственному бюджету, конечно, требуются, и вариантов рационального расходования данных средств тоже имеется масса, однако сопоставимы ли последствия от принятого решения с полученной выгодой? Представляется, что нет.

Снижение налогового бремени на предпринимательский сектор, а также введение налоговых льгот, уже показавших свою эффективность в развитых странах, приведет к росту инвестиций в научно-технологическую сферу и будет стимулировать экономический рост. Введение эффективных льгот позволит компаниям увеличить расходы на исследовательскую деятельность, т.к. налоговые льготы снизят издержки на ИР, что подтверждается эмпирическими исследованиями: снижение издержек осуществления инвестиций на 1% приводит к росту расходов на исследования и разработки на величину от 0,03 до 4,4% [7. С. 158]. Таким образом, налоговая политика и налоговые льготы, направленные на стимулирование деловой активности в целом и инновационной активности в частности, будет способствовать реализации глобальных целей по построению в нашей стране реальной экономики знаний.

Еще одним фактором, затрудняющим привлечение частных инвестиций к финансированию научной и исследовательской деятельности, является недостаточное количество инвестиционно привлекательных научных проектов, высокий уровень их риска, обусловленный трудностью прогнозирования результатов и отсутствием эффективной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие научных организаций и представителей бизнес-сообщества. Решать эти проблемы, наш взгляд, также следует комплексно. Недостаточное количество привлекательных с инвестиционной точки зрения проектов во многом обусловлено оторванностью научных организаций, особенно государственных, от предпринимательского сектора и, соответственно, от рынка. То есть исследователь, не имеющий четкого представления о потребностях рынка, не сможет предложить инноваций, которые востребованы бизнесом. И, с другой стороны, без эффективной системы взаимодействия предприниматель не узнает о потенциально интересных для него разработках, так как не погруженному в исследовательскую среду специалисту весьма проблематично разобраться в перспективности ведущихся исследований и разработок, а, значит, потенциальная возможность привлечения инвестиций упускается.

Важно обеспечить доступность информации, наладить коммуникацию между научным сообществом и предпринимательским сектором, чтобы обеспечить столь необходимую коммерциализацию исследований и разработок, чему и должна способствовать развитая инновационная инфраструктура. Необходимым условием налаживания этого диалога является открытость научного сообщества через широкий доступ предпринимательского сектора и общественности к информации о научных достижениях, позволяющей привлечь к их последующей реализации заинтересованных лиц. В этом направлении, в частности, работает Ин-

ститут проблем развития науки РАН (один из последних проектов – Daily Russian Science) [8; 9; 10].

В России сейчас происходит становление инновационной инфраструктуры, частью которой являются малые инновационные предприятия (далее – МИП), инжиниринговые центры, бизнес-акселераторы, центры трансфера технологий – именно эти организации способствуют трансформации интеллектуального продукта в продукт реальный, представляющий интерес для рынка. На сегодняшний день в России функционируют 60 инжиниринговых центров на базе технических вузов, при этом оборот рынка промышленного инжиниринга России составляет 230 млрд руб. – это 0,25% ВВП (для сравнения в США этот показатель составляет 1% ВВП, или в переводе на отечественную валюту до 3,4 трлн руб.) [11]. Количество созданных в России МИП – 2834 (на 15 марта 2018 г.), из них 60% за 2016 г. показали нулевую выручку, а 23,56% по итогам 2016 г. получили прибыль [12], таким образом, доля вышедших на рентабельность МИП в России существенно выше 10%, считающихся нормой в европейских странах. Приведенные данные свидетельствуют о достаточно высокой эффективности таких организаций.

Разработка и внедрение в практику инноваций во многом определяются организационной составляющей, то есть открытостью и прозрачностью результатов исследования. Отказ исследовательских организаций, как традиционных (НИИ, КБ), так и созданных на базе высших учебных заведений, от замкнутых моделей существования является непрямым условием сотрудничества между научным сообществом, бизнесом и обществом в целом. Организация научно-технологического процесса, обеспечивающего привлечение широкого круга пользователей, получила название платформенного подхода к процессу разработки и внедрения инновационных технологий, ключевой особенностью которого является открытость, обеспечивающая многообразие связей как между различными областями знаний и технологий, так и между участниками этого процесса (исследователями, представителями бизнеса) и конечным потребителем результатов их труда [13]. Инновационная платформа в данном контексте выступает посредником между клиентами-представителями бизнеса, заинтересованными во внедрении инноваций, и учеными-носителями знаний. Эффективность применения данной модели подтверждается опытом Финляндии, доля затрат которой на исследования и разработки в ВВП страны стабильно находится на высоком уровне (показатель колеблется в диапазоне от 3% до 4% в последние два десятилетия). Одним из обязательных условий выделения финансирования для университетов является сотрудничество последних с частным сектором, в результате 33% компаний вовлечены в партнерские отношения с университетами страны.

Создание подобных платформ в России представляется весьма перспективным, при этом целесообразно, по нашему мнению, организовывать подобное сотрудничество на частной основе, а не на основе государственно-частного партнерства. Это позволит избежать манипулирования

результатами и продвижения неперспективных с точки зрения коммерческой реализации проектов, поскольку создатели платформы, не участвующие непосредственно в создании инновационного продукта, а лишь обеспечивающие необходимое для этого процесса взаимодействия, будут заинтересованы именно в рентабельности проекта. Ценность платформы, как коммерческая, так и научная, будет возрастать с ростом количества участников, так как каждый участник процесса вносит свой вклад в создании стоимости: это может быть потенциально интересные разработки, или новый канал продаж, или возможность внедрения технологии в производство. Каждый успешный проект, реализованный с помощью такой платформы, будет мотивировать других потенциальных участников к диалогу и сотрудничеству. Структуры, реализующие часть описанных функций, в России уже существуют: различные акселераторы, венчурные ярмарки, форумы и выставки, однако до платформенных масштабов пока еще далеко. Разработка и развитие подобных структур окажет существенное влияние как на привлечение частных инвестиций к финансированию исследований и разработок, так и на научно-технологическую активность российских предприятий в целом.

Идеологические аспекты. Проблема формирования денежных потоков, исходящих от частного сектора и направленных на финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности, должна быть объектом изучения не только экономической науки, но и наук об обществе, изучающих нравственность и социально-идеологическую базу государственности. Вопросы идеологии в российском обществе вызывают множество дискуссий, в которых прослеживается и абсолютное неприятие необходимости государственной идеологии, и осознание острой потребности общества в ее наличии как движущей и объединяющей силы. Можно выстраивать сколь угодно правильную экономическую политику государства, например, внедрять эффективные инструменты налогового стимулирования, но без надежной идеологической базы государство и общество могут не получить желаемых результатов по ускорению научно-технологического развития.

В настоящий момент в нашей стране на конституционном уровне фактически закреплён отказ от идеологии: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие»; «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [14. Ст.13. П. 1, 2]. Нельзя недооценивать роль многообразия в обществе как фактора прогресса. Именно многообразие, а не обязательность единого курса, в наибольшей мере способно объединять общество в стремлении к единой общей цели — в данном контексте к построению высокоразвитой экономики, основанной на научно-технологических достижениях. Допустимо и даже необходимо обеспечивать многопартийность в обществе, что предполагает необязательность идеологических стандартов (об этом говорится в Конституции РФ). Свобода осознанного выбора каждым гражданином, возможность его самоопределения и формирование личного мировоззрения по поводу того, насколько корректны избранные госу-

дарством социально-экономический и политический курсы, насколько они соответствуют его представлениям о прогрессе, мобилизуют людей на служение обществу. Свое личное неприятие или согласие выражается в выборе того или иного политика, политической партии, которые придерживаются рациональной, по мнению гражданина, идеологии.

Однако нужно учитывать и другое: официальная государственная идеология — если она проектирована на прогресс общества, определяет цели, которыми должна руководствоваться выбранная обществом власть. В данном контексте многообразие недопустимо: «система государственного управления в условиях идеологического плюрализма или отсутствия идеологии, как таковой, абсурдна. Идеологический плюрализм в корне ломает целостность государственной политики» [15. С. 114]. Но нужно еще раз подчеркнуть: придерживаться единой идеологии уместно лишь тогда, когда она ориентируется на интересы общества, а не привилегированных слоев.

На наш взгляд, причиной отказа от официально сформулированной идеологии является переход от коммунистического (социалистического) строя к рыночному, сопровождавшийся отрицанием всего, что было связано с советским режимом. А советская идеология, несмотря на все ее недостатки, предусматривала особое отношение к труду на пользу обществу, способствовавшее в частности, научной, научно-технической и инновационной деятельности. (Причины драматического отставания СССР от Запада в сфере научно-технического прогресса, ставшего очевидным к 70–80-ым годам XX века, требуют особого рассмотрения.)

Крах социалистического строя привел к отказу от пропагандируемых ранее идеалов. Как ни примитивны и зачастую ложны были эти идеалы, они имели рациональное ядро — не преувеличивали значимость индивидуальных интересов, прав и свобод личности. Односторонний акцент на них далеко не всегда идет на пользу обществу в целом, да и каждому его представителю. Например, возможно ли вообще развитие науки в обществе, заикленном на интересах индивида, зачастую исключительно материальных? С другой стороны, можно ли игнорировать тот факт, что в современных развитых странах, где, как нам всем представляется, царит классическое общество потребления, велики затраты на науку, в том числе бизнеса?

Отвечая на эти вопросы, нельзя забывать о том, что науку двигают вперед не общество в целом, а именно индивиды, и что научно-технический прогресс стимулируется не только тягой к знаниям, но и материальными интересами отдельных представителей общества. Существует также мнение, что неолиберальная идеология, ориентированная на потребление и рост личного благосостояния, работает в западных странах лишь на словах, но не на практике [18. С. 100]. Кроме того, можно обратиться и к теории Й. Шумпетера, возвращающей нас к экономическим аспектам. Й. Шумпетер рассматривал эндогенные изменения как характерную черту рыночной экономики. Он сделал акцент на процессе появления нового как неотъемлемой черте социально-экономического развития. Центральным

является понятие динамики рыночного процесса, согласно которому рынок – нечто большее, чем «сигнальное устройство» для размещения ограниченных ресурсов, служащее цели гарантировать состояние равновесия спроса и предложения. Скорее рынок – это сфера радикальных изменений, которая заставляет фирмы и индивидов осуществлять нововведения, а экономику расти и структурно изменяться. Движимый стремлением получить сверхприбыль – пока процесс конкуренции и адаптации не лишил его преимущественного обладания новым – предприниматель Й. Шумпетера конкурирует не только в области цен, но главным образом в области новых продуктов и технологий. Развитие экономики представляется здесь как преодоление новаторами–предпринимателями сковывающих рамок сложившихся правил и норм [19. С. 628–629]. Частная инициатива, основанная на инновационной функции, в свою очередь, является основой всей рыночной системы, которая, таким образом, никак не может игнорировать научно-технический прогресс.

Соответствующую идеологию согласно своим стратегическим интересам должна иметь и Россия. В российском обществе необходимо сформировать мировоззрение, в основе которого будет лежать понимание необходимости и значимости для страны научно-технологического развития. Именно такое мировоззрение сформирует у отечественного бизнеса готовность инвестировать в научно-исследовательскую деятельность и внедрять ее результаты. Формирование такого общественного мировоззрения – задача государственной идеологии.

Естественно, что такая идеология не должна быть инструментом зомбирования населения и манипулирования им, скорее она должна выполнять функцию программы развития общества, соответствующей стратегическим государственным целям, объединяющим общество в реализации национальных интересов ускоренного инновационного развития. Идеология, как и экономическая политика, должна соответствовать и долгосрочным целям развития государства, и текущим. Она должна отличаться гибкостью при сохранении единого основного принципа – стремления к социальной справедливости. Личная заинтересованность гражданина в достижении общегосударственных целей, по нашему мнению, начинается с рациональной, логичной общепринятой государственной идеологии, которая должна представлять собой систему ценностей, определяющих отношение ко всем стратегически важным вопросам деятельности государства. На текущий момент схожие функции по объяснению и обоснованию социально-экономического курса выполняют принимаемые руководством страны различные стратегии (национальной безопасности, научно-технологического развития и т.д.). Однако идеологическими документами, действительно объединяющими общество и меняющими его настрой, они не становятся, возможно, потому, что правильные идеи недостаточно подкрепляются соответствующими действиями. Например, провозглашается курс на научно-технологическое развитие, на улучшение инвестиционного климата и условий для развития предпринимательской деятельности, но при этом

принимаются решения об увеличении налогового бремени, не обеспечивается доступность долгосрочного инвестиционного капитала, сокращается финансирование научных исследований.

России нужна идеология, нацеленная на научно-технологическое развитие, при движении к социальной справедливости. Нужно создавать такие условия, при которых имущественное расслоение населения сокращается, благосостояние всех членов общества, а не только избранного круга лиц, растет, а социальные лифты работают эффективно. Вопрос о возможности формирования такой идеологии и, что самое главное – соблюдения принятых ее норм, пока остается для России открытым.

В большинстве развитых стран предпринимательский сектор активно участвует в финансировании научной, научно-технической и инновационной деятельности, что обусловлено высокой не только материальной, но и «идеологической» заинтересованностью в коммерциализации результатов исследований и разработок. В России же участие бизнеса в финансировании такой деятельности остается на критически низком уровне во многом из-за отсутствия адекватной идеологии, стимулирующей внедрение инноваций.

Примечательно, что планируемый в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации рост затрат объема внутренних затрат на исследования и разработки предполагается осуществлять в основном за счет увеличения доли участия частного сектора в финансировании науки, что в свою очередь должно способствовать росту инновационной активности.

Пока же основные расходы на научную, научно-техническую и инновационную деятельность в нашей стране несет государство. При этом результативность государственных затрат с точки зрения научно-технологического развития остается низкой. Такую ситуацию, безусловно, необходимо исправлять.

Литература

1. *Аганбегян А.Г.* Финансы, бюджет и банки в новой России // М.: Дело. 2018.
2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642.
3. Наука, технологии и инновации России: крат. стат. сб. // М.: ИПРАН РАН. 2017.
4. Индикаторы науки: 2018: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. // М.: НИУ ВШЭ. 2018.
5. *Глазев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба») // М.: Книжный мир. 2018.
6. Профицит полпроцента: Путин подписал поправки в бюджет-2018 // ВЕСТИ.RU. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3034794> (дата обращения: 08.06.2018).
7. *Миндели Л.Э., Черных С.И., Букина И.С. и др.* Российская наука и ее ресурсное обеспечение: инновационная парадигма // М.: ИПРАН РАН. 2016.
8. Ежедневная наука // Поиск. 10 августа 2018 г. № 31–32. С. 2. URL: <http://www.poisknews.ru/new/37844/> (дата обращения: 14.08.2018).

9. Проект Daily Russian Science в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/DailyRussianScience/>.
10. Проект Daily Russian Science в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/wosrussia/>.
11. Обзор химических инжиниринговых центров России. URL: <http://ect-center.com/blog/obzor> (дата обращения: 10.07.2018).
12. Турко Т. И., Федорков В. Ф., Одинцова Н. Н., Фахурдинов О. В., Тимохин А. А. Деятельность малых инновационных предприятий, созданных в сфере образования и науки // *Инноватика и экспертиза*. 2018. № 1 (22). С. 8–21.
13. Raunio M., Nordling N., Kautonen M., Räsänen P. (2018) Open Innovation Platforms as a Knowledge Triangle Policy Tool – Evidence from Finland. *Foresight and STI Governance*, vol. 12, no 2, pp. 62–76. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.62.76\$.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
15. Шуайпова П.Г., Мищенко М.С. К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 2-4. С. 113–115.
16. Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок // М.: Молодая гвардия. 2017.
17. Миндели Л.Э., Черных С.И. и др. Финансирование науки и инноваций в России: состояние, проблемы, перспективы // М.: ИПРАН РАН. 2010.
18. Хаджаров М. Х. Многообразие идеологий и проблема развития общества: может ли идеология стать базовой ценностью в России? // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2016. № 3. С. 99–103.
19. История экономических учений // М.: ИНФРА-М. 2002.